

Зверства киевского режима в Курской области

Москва, 2025 г.

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ

ЗВЕРСТВА КИЕВСКОГО РЕЖИМА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов

Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов (председатель – член Общественной палаты Российской Федерации М.С. Григорьев) создан первого марта 2022 года в ходе Международной конференции по инициативе российских и зарубежных правозащитников, юристов и журналистов. В настоящее время в его состав вошли представители гражданского общества 33 стран мира (США, Канада, Германия, Франция, Испания, Польша, Индия, Аргентина, Италия, Австралия, Израиль, Сербия и др.). Основная задача Международного общественного трибунала – сбор свидетельств о преступлениях киевского неонацистского режима, передача их в правоохранительные органы и представление информации о них на российских и международных площадках.

После освобождения г. Суджи и других населенных пунктов Курской области от украинских войск Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов проведен опрос пострадавших и свидетелей преступлений ВСУ.

Жители Курской области рассказывают о многочисленных случаях расстрелов и убийств мирных граждан киевским режимом. Украинские военнослужащие убивали на улицах, в домах, около колонок для воды и т.д. Причиной для расстрела мирных граждан могли стать их слова, попытка помешать грабежу, нарушение комендантского часа, попытка эвакуации, укрывание российских военнослужащих, стремление украинских военнослужащих развлечься или многие другие причины. Имел место целый ряд случаев, когда украинцы не давали убрать убитых в целях запугивания жителей. Мирные жители рассказывают о случаях изнасилований и зверских избиений местного населения.

Зафиксированы многочисленные случаи, когда украинские вооруженные силы целенаправленно убивали мирных граждан как из стрелкового оружия, так и сбросами с дронов или ударами frv-камикадзе.

В нарушение Женевских соглашений украинские войска разрушали мирную инфраструктуру, наносили удары по храмам и больницам.

Украинские грабежи в Курской области носили тотальный характер. Жители свидетельствуют, что в грабежах участвовали не только украинские военнослужащие, но и жители Сумской области. Забирали денежные знаки, украшения, электронику, бытовую технику, мебель, сантехнику, продукты, машины, сельскохозяйственную технику, новое и ношеное нижнее белье, детские игрушки и т. д.

Местные жители прямо сравнивают их действия с поведением немецких фашистов во время Великой Отечественной войны и делают предположения о мотивах украинских военных преступлений.

Представленные в данном докладе свидетельские показания в полной мере изобличают киевский режим в системных и целенаправленных убийствах жителей Курской области, включая женщин и стариков, из стрелкового оружия и с помощью беспилотных летательных аппаратов – как с использованием дронов-«камикадзе», так и сбросов разнообразных взрывчатых устройств с дронов, а также в намеренном уничтожении храмов, больниц, домов мирных граждан и другой гражданской инфраструктуры, а также тотальных грабежах, что является военными преступлениями.

Приведенные ниже данные являются дословными и неадаптированными свидетельствами жителей Курской области.

ЗВЕРСТВА КИЕВСКОГО РЕЖИМА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов

Ильина Светлана Михайловна,
пострадавшая от преступлений ВСУ
из с. Черкасское Поречное.

«Мою маму, лежащую в своем доме, первый обнаружил Штаненко Александр Николаевич. У неё были пулевые ранения. Она была в комнате, которая у нас называлась «зал», потому что это общее такое помещение было, где диван, кресла у нас стояли.

В этой комнате у нас висели на стене портрет моего брата в форме полиции, он служил в полиции, и портрет моего племянника в форме ВДВ, он служил в армии. Эти два портрета у нее находились в этой комнате. И в этой комнате была убита моя мама. Ее убили в августе, когда украинские

солдаты зашли в село Черкасское Поречное. Ей было 72 года. Она не представляла никакой для них угрозы. Я вообще не понимаю, зачем нужно было её убивать».

Фурсова Елена Васильевна,
пострадавшая от преступлений ВСУ
в с. Лебедевка Курской области.

«В разных местах украинцы расстреливали людей. Мы с сыном ездили к себе до Суджи, и люди лежали, трупы прямо лежали. Мирные люди. И украинцы возле интерната расстреляли двух цыган. Два трупа. Наверное, лет по 35. На вокзале у нас были три убитых тела – все мирные граждане.

На Махновке, где старшая дочка жила, много убили они. А еще Кольку Орехова расстреляли. Брат его похоронил на огороде. Лену, продавщицу, убили. Очень многих. Человек 20 убили, которых знаем мы. В Казачке очень много, в Казачьей Локне. Я думаю, там человек 25, которых они

поубивали. Это которых мы лично знаем. Директора расстреляли, Мишку убили Зарудного. Кума его убили, зовут Ванька. Очень много.

У ВСУшников, получается, приказ был убивать. В последний раз, когда сейчас вывозили 7 лет мальчика, ему руку оторвало. Им без разницы – детей, не детей. Украинцы грабили. Всё повывезли. Машины, мягкую мебель, постель. Ну, короче, всё. Полностью. Кухонные гарнитуры. У нас село богатое. Ну, жили все, кто работал. Вывозили все. На своем отвозили. Все, все вывозили. Даже снимали, Господи, там утеплители даже со стен. Прямо и постельное бельё, и мебель, всё остальное, всё что угодно. Я лично видела. Они каждый день в одном доме могли много раз зайти – гребли всё. Прицепы, машины, вещи, зимнюю одежду. Ну, что было у людей, все забирали. Все забирали. Забирали даже матрасы. Дом за домом. А кто плохо посмотрит на украинцев, тех убивают. Украинцам ничего нельзя говорить. Расстреляют. Они какие-то, как фашисты были. Нелюди. У них ненависть, потому что мы русские».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ

ЗВЕРСТВА КИЕВСКОГО РЕЖИМА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов

Гриненко Николай Николаевич,
пострадавший от преступлений ВСУ
в д. Куриловка Курской области.

«В августе зашли на Суджу украинские танки. А потом шли их диверсанты зачищать деревню. Начали издеваться украинские ВСУшники. Возле колонки, там водичку набирали, ручная колонка, женщину застрелили, она набирала воду, ее застрелили. Я прохожу мимо, она еще лежит, все, мертвая. Прямо в голову стреляли. Я был, я хоронил. Люба. Она жила, соседка моя, там, где мой родительский дом, Куриловка. Она пенсионерка. Она пришла на велосипеде за водичкой с баклажками. Ее застрелили прямо в голову. Мы хотели ее перенести, а

ВСУшники рядом были. И мы не могли. Я подошел к одному там, у него глаза какие-то стеклянные. Неадекватные. Сказали «нельзя». Потом я проезжал, у меня дом недалеко был. Смотрю, нету моего соседа наверху. Смотрю, он в кустах лежит, тоже в голову убит. Коля Кузнецов. Куриловка, 23-й и 25-й дом, там перекресток. И мы не могли его вывезти. А через дорогу покрывало нашли с одним парнем. Его через дорогу в огороде захоронили. Потом мать Коли Кузнецова. Тоже пулевые ранения. Мы ее тоже в огороде закопали, бугорок сделали. У ВСУ была точка наверху. Они, видимо, когда зашли туда, их и убили. И мать, и сын.

А Светлану ВСУшники изнасиловали. Она с города шла, через Куриловку. Миша, мой брат двоюродный, ее в дом к себе принял. А поблизости уже были украинцы, перекрыли дорогу на улицу. Куда уж пойдешь? И когда она водичку носила, ее украинцы и изнасиловали, и избили. Немножко рассудок у нее потом пострадал от этого.

Пока украинцы не перекрыли уже все, я людей вывозил на машине. Всех, когда встречали. Многих мы вывезли там с братом моим. А потом пришли машину забирать. Знали, что я в 21-м доме живу, что у меня машина. Ну, я так понял, что это крыса какая сказала им. Сказали, что я тут помогал людям. Когда эта зачистка была, ВСУ и к нам в двор пришли. Давай машину. У меня 21-й дом, что у меня машина. Машину спрятал. Они начали избивать меня металлической трубой. Приставили автомат. Ключи я отдал. Когда меня избивать начали, я вынес. Ну, давили, думал, меня убьют. Били еще по ногам. Я потом, когда очнулся, в дом зашел, у меня уже кровь запеклась на лице. Трое ВСУшников меня били. Они еще спрашивали, где находятся, как они сказали, москаляки.

В нашей Куриловке они шли потом, все дома взламывали. Где нельзя было, в металлической двери они отстреливали замок. Всё выворачивали, забирали всё. Грузили на тойоты, пикапы. Они загружались, все тащили — телевизоры, бытовую технику. Даже тряпки все, женские, одежду забирали. Я сам видел, как одежду забирали напротив моего дома. В деревне нашей грабили они всё полностью. По селу ВСУ сказали не ходить с 16:00. А если что, там стрельба на поражение. Прямо так сказали, если мы будем ходить после 4 часов — всех убьют. С 10 утра только до 4-х можно. Хорошо у меня укупорка в подвале была. Страшно, конечно, было».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ

ЗВЕРСТВА КИЕВСКОГО РЕЖИМА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов

Бондарева Нина Дмитриевна, 68 лет,
пострадавшая от преступлений ВСУ
из г. Суджа Курской области

«Воду мы ходили брать на улицу Забродок, там мужчина прямо плакал. Которые первые приехали украинские военные, у него жену забрали, в машину кинули, а потом привезли. Ее насильовали, и она умерла потом.

У нас много было украинцами расстрелянных людей. Их дроны сбрасывали на дома гранаты, и расстреливали дома тоже, и поджигали они их. От меня через дом — Красноармейская, 8 — сгорел дом. Украинцы ушли и подожгли. Грабили. В окно смотришь, они в дом зашли, рюкзаки у них, тележки, сумки».

Богун Алексей Николаевич, 83 года,
пострадавший от преступлений ВСУ
в г. Суджа Курской области.

«На второй или на третий день украинцы двух наших уложили на площади. За то, что наши сказали, что мы тут хозяева. Их сразу украинцы убили, сразу расстреляли их. Возле Дома культуры, в августе.

ВСУ изнасиловали бабушку на Заолешенке. У одного дедушки приехали прямо, так и сказали, что мы твою дочку заберем, попользуемся и вернем. Ну, дедушка старенький, что мог к ним ответить?

Опять же, прямо из дома, у другого отца забирали дочку. Ну, вы сами понимаете, что с ней делали. Убивали и молодых, и старых — просто так, за то, что появились не в том месте, не в то время. Им было все равно, военные перед ними или гражданские. Они психопаты, я не знаю, или под наркотиками были.

Лично нам угрожали расстрелом. Уже где-то под Новый год. У нас собирались отобрать машину. У нас же гаражи были подписаны. Два гаража наших оставалось. Подписаны «Люди». За отказ отдать машину говорили: «Я тебя сейчас тут расстреляю. Прямо в глаза». Махали автоматом. Украинцы в каждый дом заходили, а потом машинами увозили наворованное. В одной организации огнетушители забрали, кабель. Катушки были. Катушки забрали. Кабеля забрали, огнетушители забрали.

Из домов частных воровали все, что было. Зашел один, выходит уже с рюкзаком или сумкой. Потом другие заходят. В тот же дом тоже, что-то выбирают. Сначала они обстреляли больницу, а еще раньше дронами. Моя тетя чудом осталась жива. Она работала в Суджанской ЦРБ, делала флюорографию. При ней был прилет, выбило окна».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ

ЗВЕРСТВА КИЕВСКОГО РЕЖИМА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов

Шерстнева Наталья Павловна, 63 года,
пострадавшая от преступлений ВСУ
из с. Гончаровка Курской области.

«Произошло это 11 марта в полседьмого вечера, я пекла хлеб. У меня плиточка, я пекла хлеб в формочках, отнесла соседям. Иду от соседей, голову поднимаю вверх, а дрон висит. И, смотрю, резко он – раз, вниз. Я говорю соседу Коле: «Бежим». Я во двор, там каменная стена. Слышу взрыв, пламя. Пламя страшное и меня по спине. Сознание теряю. Думаю, нет, сейчас будет вторая волна. Обычно два раза. Первый раз, а потом еще раз шандарахнет. И я на четвереньках в уголок в этот забила. Меня тот уголок и спас. Потом еще раз шандарахнуло. Вторая волна была,

да. Мне было больно, но я нашла очки свои, нащупала. Поворачиваю голову, откуда я забежала с ворот. Я побоялась туда уже выходить. Коли нет. Ну, выбежала я огородами, вся в крови. А Колю нашли пришпиленного, видать его волной отбросило к штакетнику и обгорел весь. Мы хоронили всех соседей, которые умирали.

Вот женщина в палате в больнице, 35 лет, Таня, двое деток. Украинский дрон ее ударил. Ее привезли. В Гончаровке сосед погиб от украинских обстрелов. Он курей вышел кормить, и его сразу накрыло. Шкуратов, дядя Коля, ну он, я не знаю, может 80 лет. Убит после 11-го сбросом с украинского с дрона. Он может висеть, висеть, висеть, а потом ударить. А украинские военные грабили все подчистую. Телевизоры. Газовые панели, газовые котлы у кого новые, хорошие. Короче, все, что хорошее, выносилось. Это забирали первые, которые, я так поняла, штурмовики. Сначала выносили все на улицу. Потом подъезжали. У них для нас был комендантский час. Артиллерия украинская стояла у нас ниже, в саду. Они бухали и свиней стреляли, и между собой что-то там. Мы боялись».

Мануйлов Василий Николаевич, 75 лет,
пострадавший от преступлений ВСУ
из с. Казачья Локня Курской области.

«Украинские грабежи были сплошь и рядом. Там они периодически бригадами менялись, и каждая бригада приезжала, и каждая бригада грабила.

Я видел, как диваны вытаскивали и увозили куда-то. Видел телевизоры. В особенности плоские телевизоры. Холодильники. Плитки, да. Газовые плитки воровали. Там были у нас дома для молодых людей, у которых не было жилья. Сироты. И сиротам выдали дома. Украинцы ходили там с молотами. Берет кувалду, бах, трах, окна побили, двери побили, пошли до следующего. А потом уже воровали».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ

ЗВЕРСТВА КИЕВСКОГО РЕЖИМА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов

Поплавская Валентина Петровна, 62 года,
пострадавшая от преступлений ВСУ
из с. Мартыновка Курской области.

«Колька говорил Вере, на улицу не выходить с временки. А она вышла. Ну и я, значит, подхожу. И стоим мы, разговариваем. А она большая женщина, крупная.

В середине ноября 2024-го летит украинский дрон. Он же видит, что мы там стоим. Он за крышу, взрывается. Вере осколки в голову, она падает, а мне в ногу. Вера не дожила до дня рождения. У нее 20-го чисто день рождения. У меня кровь пошла, все больно. Пошла домой перевязывать. А потом мы Веру втроем волокли.

Украинский дрон видел людей, видел все. Я отлично видела, как они дома поджигали, эти дроны. После, потом я стала бояться этих дронов. А я ездила за дровишками к Витальке в первый дом. У него баня, и он там в сарае дровишек понакопал. И я на тачке туда ездила за дровишками. Набрала дровишек и назад. Летит, значит, дрон. Я там на другой стороне спряталась. И наблюдаю за этим дроном. Он, значит, кружится, кружится. А на нашей улице... Ну, там первый, на той стороне первый, второй, третий дом. Женя там расстроил дом двухэтажный. И вот дрон, значит, летает, летает, летает, кружит, так летает, а потом бах – в крышу. И дом загорелся, и сгорел, а пепелище осталось, ну, там стены. Это не один дом.

Пахом пострадал от украинского дрона. Я видела, как дрон летел, и как от него загорелся Пахома дом. Потом у Ярика. Он купил дом и расстроился там. Тоже долго стоял дом. Я смотрю вечером, значит, часа в 4 вечера, как дрон украинский летает. И в Ярика целится. Ну, в Ярика он не попал, а в Жукова дом попал. А на следующий день такой же прилетает. И опять кружит, кружит, кружит, кружит, кружит, кружит. А потом стрелой, бах, в крышу. И Ярика дом загорается и сгорел».

Шарунов Валерий Васильевич,
пострадавший от преступлений ВСУ
в хуторе Никольский Курской области.

«Я зашел в подвал. Нашел мужчину и двух женщин. Уже мертвых. Деваться было некуда. Там и остался. Снова пришли украинские войска. Украинская речь. Отозвался. На это получил автоматную очередь и две гранаты в подвал. Они думали, что я уже мертвый.

Всего в подвале было восемь человек. Остался я один. Видел я пять трупов, которые внутри. А еще двое – погибли они или живые, я точно не знаю. Но, скорее всего, погибли. А до этого в другой дом прилетели два дрона. Там женщина жила и уже была ранена от украинского дрона. Он скинул

заряд на нее. Она ходила на речку по воду. Там и получила».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ

ЗВЕРСТВА КИЕВСКОГО РЕЖИМА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов

Якуб Василий Иванович,
пострадавший от преступлений ВСУ
из с. Первое Новоспасское Курской области.

«Я слышал, что парня, военного, нашего украинцы резали и убили. И сожгли дома, где его поймали. Предупредили, показать хотели всем жителям, что это все будет то же самое с вами, если военных наших найдем.

Нажгли в качестве коллективного наказания за то, что укрывали нашего военного. Это как показательно, они вроде как делают. А потом приезжала украинская съемочная группа. И труп поубрали. А показывали, что они людей не трогают, люди сами к себе, хлеб им привозим.

Когда Азовцы зашли, у нас в доме моей жене угрожали. Что ее застрелят, расстреляют. Мне ноги, по ногам грозились тоже стрелять. Да, вот супругу мою тоже прикладом – ей прям досталось по лицу. С кувалдами ходили. Каждый дом выбивали двери. Особенно сиротские дома. Каждую дверь. Если дверь не поддавалась, повыламывали. Если она так не поддается, значит, окна били. Заходили в окна. Забирали машинки стиральные. Забирали газовые плитки. Даже колонки со стен к этим газовым плиткам, что подходят, тоже срывали. И телевизоры, и вещи. В общем, все, что находилось, что им всё нужно. Особенно деньги, золото, серебро, вот это вот всё».

Власова Ольга Владимировна,
пострадавшая от преступлений ВСУ
в с. Казачья Локня Курской области.

«Самое было плохое, это вот группа Азов, это были твари. Они кувалдами выбивали, а мы в сиротских домах были. Кувалдами открывают дверь, а мы прямо там спали. Сказали мне, если у тебя найду российского военного, тебе расстрел в 6 вечера будет. А моему мужу под ноги стреляли. Приехала из Сум журналистка украинская. Я говорю, это ваши ребята, азовцы, уголовники, нас убивали. Она мне внаглую говорит, ну вы же живы остались, вам же повезло. Прям внаглую. И мне прикладом ВСУ, прям при всех.

ВСУ сказали, что мы ненавидим русских, это чистые уголовники, вы понимаете? Уголовники, что вам еще сказать? Сказал, что ровно в 6 часов я тебя просто расстреляю. Дверь все равно они выбивали кувалдами. При открытых дверях спали, потому что знали, что они выбьют заново эту дверь. Они много избили людей. Меня прикладом били, забрали у нас парня, а он как-то между слов сказал, что служил. Ну, его забрали, мы больше его не видели, Женька.

Вот возле магазина «Василька», это вот центр идет на Суджу, а другой идет на Льгов. Наш русский парень лежал, ему все отрезали, кинули на асфальт».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ

ЗВЕРСТВА КИЕВСКОГО РЕЖИМА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов

Недзельская Светлана Николаевна,
пострадавшая от преступлений ВСУ
в с. Казачья Локня Курской области.

«В самом начале, это было где-то 7 августа 2024, убили ВСУ двух мирных, они жители нашей улицы. Фамилия одного Зарудный Михаил, по селу его звали Миша Сыла. Ему где-то лет 60 было. Второй, Коля, по селу его звали Мамлыга. Ему где-то 50 было. Они были застрелены на улице. На улице несколько дней они лежали. Потом их немножко присыпали землей, потому что жара была до 40 градусов. И через некоторое время их перезахоронили на кладбище. К нам один раз приходил подвыпивший ВСУшник. Потом, оказалось, что он бывший заключенный.

Маме говорил, что я могу в ногу выстрелить. Маме 77 лет.

Однажды мы слышали стрельбу сильную. Мы с дочкой спрятались в доме. Потом на улице сгорело два дома. Это где-то через три дома от нас. Потом узнали, что там нашли, обнаружили российских военных. Одних они сожгли в доме, а над одним поиздевались и застрелили на улице. Потом этот парень уже лежал на улице, его тоже со временем немножко присыпали. Украинцы у нас машины отнимали. Даже если кто-то умудрялся снять аккумулятор и колеса, все равно они забирали. Трактор угнали на Украину. С пустых домов вывозили всё, что могли. Машинки стиральные, холодильники. Я сама лично видела, как украинцы загружали».

Штаненко Наталья Николаевна,
пострадавшая от преступлений ВСУ
в с. Черкасское Поречное Курской области.

«Муж вышел набрать воды до колодца, летел груженный украинский дрон. Он мужа заметил и начал на него заворачивать.

Он во двор забежал, падает, говорит, на меня дрон летит. И мы с ним упали возле дома, во дворе. И он взорвался, и осколками нас покалечило. У меня мизинец переломленный и на ноге множественные осколки. Здесь на голове тоже осколок вытаскивали. 4 марта 2025-го, 4 часа дня. И поэтому мы стали выходить оттуда, потому что уже невозможно было. Раны многочисленные. И мы думаем, что

будет, то будет. Ну и пошли рано утром, переночевав.

Ночью переночевали, чтобы уже поздно не пошли в ночь. Перевязали, у нас там, рядом, мирные были жители тоже, они нас перевязали. Мы переночевали и пошли на Курскую трассу. И дошли до наших солдат. Мины обходили, там было много мин, но мы их обходили. Господь миловал».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ

ЗВЕРСТВА КИЕВСКОГО РЕЖИМА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов

Щеглова Наталья Сергеевна,
пострадавшая от преступлений ВСУ
из г. Суджа Курской области.

«Когда мы первый раз вышли в сторону магазина «Василек», то там на пешеходном переходе стояла машина. Она была вся сожжена, и оттуда вытащили мужчину, и прямо, когда мы шли, его прикапывали наши гражданские песком.

Люди рассказывали, что украинцы удары нанесли. Мужчина был пристегнут, и он не смог вывалиться из машины. А женщина была не пристегнутой, она выкатилась из машины и осталась живой. Когда мы шли к колодцу, на углу школы лежал мужчина. Он каждое утро ходил к храму,

крестился, как здоровался ходил к храму. Он верующий человек. Его украинцы расстреляли, и он долго лежал. Наверное, больше месяца он лежал.

У нас в сиротских домиках жил парень. Жил там с женой молодой. ВСУ пришли к нему, а на следующий день они его забрали. И больше его никто ни разу не видел. Грабежи были. Приезжали ВСУ машинами, загружали машинки стиральные, технику, котлы. В начале приходили, готовили, все как-то подготавливали, в смысле выносили уже из домов внизу, пораскручивали, а потом ночью приезжали. Ночью, хоп, приехали, утром приходим, там уже нету ничего. Меня встречает моя знакомая, говорит, что ты думаешь, вот в этом доме у нас жил инвалид. Заехали ВСУ и вынесли даже памперсы. Они даже памперсы и кресла вынесли. Инвалидные кресла забрали».

Мелихова Татьяна Михайловна, 62 года,
пострадавшая от преступлений ВСУ
из г. Суджа Курской области.

«Когда ВСУ заехали, возле перекрестка стояла их машина и стреляла всех. Кто шел, кто ехал, мирных людей стреляла. А потом уже с нашей улицы двух человек они убили. Одному пуля в голову была, в лоб. Ну, в голову, а другому в живот. Он долго мучился и умирал. Коля, лет 50 ему было. Они на улице лежали, недели три лежали, украинцы не разрешали хоронить. Запах был ужасный.

В меня тоже снайпер стрелял. Я шла к подруге, я не знала, что она уже уехала. В этот день они стреляли в людей. Я заборами шла, дорогу смотрю, а я к заборам,

машина немножко проехала вперед. Украинская машина. Я прошла дальше, поворот уже завернула, вышла на асфальт, и они начали стрелять. Я услышала стрельбу. А потом возле меня, возле плеча правого, как прошла эта пуля, возле меня пролетела. Я помню, потом женщина ехала в машине, ее машину украинцы расстреляли. Мужа убили».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ

